

Весеннее наступление 1918 г.
в воспоминаниях военной элиты
Германской империи

В данной статье рассматривается изображение Весеннего наступления в мемуарах представителей немецкой военной элиты. Ее источниками являются воспоминания Пауля фон Гинденбурга, Эриха Людендорфа, Макса Бауэра, Карла фон Эйнама и Вильгельма Гренера. На их основе изучаются представления высших военных чинов о предпосылках и целях кампании первой половины 1918 г., а также их мнение по поводу ее итогов и их причин. Делается вывод о наличии у большинства авторов иллюзий и заблуждений, оказавших влияние на оценки наступления и его результатов, выявляется факт отсутствия четких целей у высшего командования зимой 1918 г. и конфликт во взглядах между Гренером и остальными.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная элита, Германская империя, Весеннее наступление 1918 г.

В истории Первой мировой войны было много примечательных кампаний и сражений. Одни были подробно рассмотрены историками обеих сторон военного конфликта (например, Битва на Марне 1914 г.), другие вызывали разный интерес в странах-участниках. Весеннее наступление немецкой армии 1918 г. относится ко второй категории: оно довольно подробно разобрано в западной историографии¹, преимущественно англоязычной, однако осталось проигнорированным в отечественной исторической литературе². Отсутствие интереса со стороны советских историков легко объяснить: к моменту начала первых наступательных операций немцев в 1918 г. Россия уже вышла из вооруженного конфликта и была поглощена внутренней борьбой, поэтому ключевые события Первой мировой войны, произошедшие на Западном фронте, мало волновали ее общество.

Весеннее наступление 1918 г. было последней попыткой Германии завладеть инициативой на Западном фронте и добиться окончания войны в свою пользу. Поэтому особый интерес вызывает его изображение в воспоминаниях представителей немецкой военной элиты. Источниками статьи являются мемуары фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, полковника Макса Бауэра и генералов Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера и Карла фон Эйнема. На их основе изучаются следующие вопросы, связанные с Весенним наступлением 1918 г.:

1. Оценка общего положения на рубеже 1917–1918 гг.
2. Представление о целях наступления.
3. Оценка исхода наступления и причин оногo.

Перед подробным рассмотрением данных вопросов следует остановиться на определении составляющих кампании и их хронологических рамок. Само определение «Весеннее наступление» подразумевает под собой атаки на позиции союзников весной 1918 г. Однако неверно будет ограничивать его военными действиями в марте, апреле и мае. И историки, и участники войны включают в него и летние сражения, то есть все наступления вплоть до 18 июля 1918 г.³

1. Операцию «Михаэль» в Пикардии 21.03–05.04.1918 г.
2. Операцию «Георг» во Фландрии 09–29.04.1918 г.
3. Операцию «Блюхер–Йорк» на участке Суассон–Реймс 27.05–03.06.1918 г.
4. Операцию «Гнейзенау» на участке Мондидье–Нуайон 09–12.06.1918 г.
5. Наступление в рамках Второй битвы на Марне 15–18.07.1918 г.

В источниках и исторической литературе количество нанесенных немецкой армией ударов варьируется от трех до пяти. Андрей Мерадович Зайончковский⁴, генерал Людендорф⁵ и полковник Макс Бауэр⁶ выделяли три наступления: первое – 21 марта, второе – 27 мая и третье – 15 июля. То есть они включали операции «Георг» и «Гнейзенау» в состав операций «Михаэль» и «Блюхер–Йорк» соответственно. Пауль фон Гинденбург, Вильгельм Гренер, Карл фон Эйнем считали, что наступлений было четыре. Такого же мнения придерживаются авторы коллективной монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации». Сторонники этой точки зрения условно делятся на два лагеря. Эйнем⁷ относил апрельское наступление во Фландрии к операции «Михаэль», а Гинденбург⁸, Гренер⁹ и отечественные историки¹⁰ не выделяли июньскую атаку на участке Мондидье–Нуайон из операции «Блюхер–Йорк». Пять наступлений упоминаются в монографии «Мировые войны XX века»¹¹. Стоит отметить, что в источниках

разнятся данные касательно окончания той или иной наступательной операции, но подобные погрешности в пару-тройку дней¹² можно списать на характер источников, так как мемуары базируются на воспоминаниях. В отдельных случаях разные даты объясняются позицией автора касательно количества наступлений.

Теперь можно перейти к рассмотрению первого вопроса. В воспоминаниях представителей военной элиты Германской империи приведены три основных обстоятельства, повлиявших на принятие решения о наступлении. Первым было истощение Германии после трех лет войны. Гинденбург, Людендорф, Бауэр и Гренер отдавали себе отчет, что положение внутри страны было очень тяжелым. Одни подробно разбирали происходящее в стране, как, например, Макс Бауэр¹³, другие ограничивались небольшими заметками или констатацией факта¹⁴. Затягивание войны грозило плачевными последствиями для Второго рейха. Пауль фон Гинденбург писал:

Откажись мы от наступательных действий, они [Антанта] могли бы еще на многие годы затянуть войну... Безусловно нашим жребием была бы постепенная смерть от истощения...¹⁵

Это обстоятельство давало немецкому командованию понять, что 1918 г. был решающим и что нужно что-то предпринимать. Вторым обстоятельством стал выход России из войны. Людендорф¹⁶ и Гинденбург¹⁷, люди, находившиеся во главе вооруженных сил Германской империи, считали, что устранение противника на Востоке создало благоприятное военное положение: немцы были избавлены от войны на два фронта и могли сосредоточить свои силы во Франции. По словам немецкого историка М. Залевски, было достигнуто то, что считалось идеальным результатом еще при Мольтке: удалось избавиться от окружения, разбить противника, занять большую часть его территорий и продиктовать ему мир, отвечавший потребностям дальнейшего ведения войны¹⁸. ОХЛ¹⁹ попыталась добиться решения на Западном фронте, так как переброска сил с Востока позволяла создать там численный перевес. Третье обстоятельство было связано с военными силами Антанты. США, вступившие в войну в 1917 г., еще не успели прислать в Европу свои основные силы. Увеличение американского контингента сводило бы на нет любые попытки немцев добиться благоприятного для себя исхода²⁰. То, что военное командование осознавало данную угрозу и принимало ее во внимание при планировании кампании 1918 г., подтверждают записи в мемуарах фельдмаршала фон Гинденбурга²¹,

генерала Людендорфа²² и полковника Бауэра²³. Также мемуары позволяют получить представление о заблуждениях и иллюзиях, распространенных в кругах военной элиты Германии. Они сильно повлияли на ход мыслей немецкого командования. Одним из господствующих было заблуждение об ужасном внутреннем состоянии стран Антанты. Мнение о том, что противник тоже находится на грани истощения своих сил и ресурсов, выражали на страницах своих мемуаров Пауль фон Гинденбург²⁴ и Эрих Людендорф²⁵. Современные историки не совсем согласны с немецкими военными. Они считают, что положение Антанты хоть и было сложным, но упрочилось со вступлением США в войну²⁶. Заблуждение насчет состояния противника породило ложное убеждение в силу морального воздействия на него и достаточности нескольких сильных ударов для склонения к миру. Логика немцев была простой: раз армии Антанты истощены войной, как и наши войска, то пара-тройка сильных ударов сможет привести их в панику, что вкупе с плохим экономическим и внутривнутриполитическим состоянием внутри стран вынудит противника запросить мира. Именно подобный ход мыслей вкупе со сложившейся ситуацией побудил немецкое командование приступить к разработке решающего наступления.

Что касается второго вопроса, то при изучении мемуаров Гинденбурга, Бауэра, Эйнема, Гренера и Людендорфа вырисовывается уникальная картина. Упрек Вильгельма Гренера в отсутствии у ОХЛ ясных представлений о целях наступления²⁷ подтверждается в тексте воспоминаний его членов – генерала Людендорфа и фельдмаршала фон Гинденбурга. Слова первого как нельзя точно передают смысл всех наступательных действий марта–июля 1918 г.:

Венцом успеха являлась операция, в которой мы могли бы полностью выявить все наши сильные стороны, и эта операция была конечной целью, к которой мы стремились. Если бы ее не удалось достигнуть первым же натиском, то мы должны были ее достигнуть при последующих...²⁸

То, что поначалу для немецкого командования самым главным было превратить позиционную войну в маневренную, завоевать оперативный простор для действий против противника²⁹, отметили и историки. Избранная для наступления тактика, при которой массированный артиллерийский удар должен был помочь пехоте занять территорию, соответствовала данной идее. Отсутствие четко поставленной цели и наличие вышеуказанных заблуждений объясняет ход первых двух операций. Конкретика появилась толь-

ко в мае, когда наступления во Фландрии и Пикардии окончились безрезультатно. ОХЛ планировало разделить французскую и британскую армии, затем разбить англичан и выйти к Ла-Маншу, чтобы помешать сообщению между Францией и Англией. Подобную мысль, но с некоторыми корректировками высказывал и Макс Бауэр, когда размышлял о том, к чему изначально должно было привести наступление³⁰. Однако из этого вряд ли можно сделать вывод о том, что полковник раньше ОХЛ додумался до подобного: мемуары Бауэра носят яркий пропагандистский характер, что свидетельствует о вероятном преднамеренном манипулировании текстом.

В последнем рассматриваемом вопросе разбираются два аспекта – оценка результатов наступления и причин, приведших к ним. Рассуждая об этом, представители военной элиты Германской империи разделились на два лагеря с противоположными мнениями. В первый входили Людендорф, Гинденбург, Бауэр и Эйнем, а во втором находился Гренер, отрицательно относившийся к затее ОХЛ. Он считал, что с каждой дальнейшей попыткой прорвать фронт противника силы немцев будут слабеть, критиковал Людендорфа и указывал на его просчеты во время сражений³¹. Результаты наступлений немецкий генерал называл успехами ради успехов. Представители первого лагеря смотрели на Весеннее наступление и его результаты под другим углом. По сравнению с кампаниями 1916 и 1917 гг. оно было очень успешным и вызвало эйфорию у ОХЛ и сторонников его идей. Судя по текстам мемуаров Гинденбурга, Людендорфа и Бауэра³², для них важнее тактических и стратегических успехов были сам факт прорыва фронта, негативное влияние на моральный дух противника и потери Антанты, превышающие немецкие. Также на положительную оценку первых четырех наступлений могло повлиять то обстоятельство, что они не приводили к критическим для немцев последствиям. Оно давало ОХЛ надежду на новый, более удачный удар. Это объясняет, почему, например, Людендорф положительно оценивает итоги операции «Михаэль», несмотря на то что она была в целом неудачной (в случае успеха дальнейшие атаки не понадобились бы). Провал наступления на Марне 15 июля 1918 г. стал тяжелым ударом для представителей первого лагеря, подпитываемых выявленными ранее иллюзиями. Его исход был однозначно определен военной элитой Германской империи как неудачный. Последствия, однако, оценивались неоднозначно. Карл фон Эйнем сразу осознал, что 15 июля стало поворотным пунктом в войне³³, а фактически возглавлявший ОХЛ Эрхарт Людендорф все еще придерживался своих заблуждений и только ближе к сентябрю

признал, что переломить ход войны не удастся. Что касается причин провала на Марне, то среди них назывались утрата эффекта внезапности вследствие того, что план наступления стал известен противнику³⁴, ухудшение морального духа армии³⁵, слабое физическое состояние солдат после эпидемии гриппа³⁶ и приспособление армий Антанты к наступательной тактике немцев³⁷. Среди факторов, влиявших на исход наступательных операций марта–июня 1918 г., представители военной элиты Германской империи выделяли слабость дисциплины атакующих войск, затруднения в снабжении армии³⁸ и удачное использование Антантой резервов³⁹. Такие причины, как ограниченность собственных резервов и преимущество в них Антанты или роль Фердинанда Фоша⁴⁰, начавшего осуществление тактики измора и проведение активных контратак, игравшие, по мнению историков⁴¹, довольно важную роль, либо не акцентировались, либо вообще не упоминались.

Анализ мемуаров Пауля фон Гинденбурга, Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера, Карла фон Эйнема и Макса Бауэра позволил сделать следующие выводы. Во-первых, представители военной элиты Германской империи достаточно трезво оценивали ситуацию, сложившуюся на рубеже 1917–1918 гг. Эрих Людендорф и Пауль фон Гинденбург, в отличие от остальных, питали иллюзии относительно внутреннего состояния стран Антанты, что оказало серьезное влияние на планирование кампании 1918 г. Во-вторых, было выявлено отсутствие четких целей наступления в его первые месяцы. Конкретика в намерениях командования появилась только в мае 1918 г., из чего следует, что основой для новых стремлений стали результаты первых двух операций. В-третьих, в среде немецкой военной элиты не было единого мнения насчет итогов Весеннего наступления и причин подобного исхода: против представителей ОХЛ и их сторонников выступил Вильгельм Гренер. Текст его мемуаров показывает, что он адекватно оценивал ситуацию и видел просчеты командования. Эйнем и Бауэр претензий к Людендорфу и Гинденбургу не имели и даже были во многом с ними согласны. Эта группа, охваченная эйфорией, вызванной первым за несколько лет значительным прорывом фронта, была склонна подчеркивать моральное воздействие на противника и его большие потери. Надежда на последующие удары позволяла Людендорфу, Гинденбургу и Бауэру не обращать внимания на отсутствие тактического и стратегического успеха. Неудача на Марне стала для этих четверых авторов шоком. Но если Карл фон Эйнем сразу осознал невозможность выигрыша в войне военным путем, то Эрих Людендорф пребывал в иллюзиях насчет этого еще некоторое время. В-четвертых, несмо-

тря на некоторые различия, мнения представителей военной элиты Германской империи имеют одно сходство: они пытались сместить акцент с ограниченности своих резервов, а также были склонны игнорировать роль Фердинанда Фоша. В заключение можно сказать, что изображение Весеннего наступления 1918 г. в мемуарах большинства представителей немецкого военного руководства является попыткой представить происходящее в выгодном свете и создать у читателя впечатление о том, что ОХЛ сделало все, чтобы выиграть войну. Единственным, кто создал в своих воспоминаниях относительно правдивую картину произошедшего весной–летом 1918 г., был Вильгельм Гренер.

Примечания

- ¹ См.: *Gray R.* Kaiserschlacht: 1918: The Final German Offensive. Oxford: Osprey, 1991; *Kitchen M.* The German offensives of 1918. Stroud: Tempus, 2001; *Stedman M.* The German Spring Offensive. L.: Leo Cooper, 2001; и др.
- ² Весеннее наступление 1918 г. рассматривается только в общих работах, посвященных Первой мировой войне.
- ³ В этот день состоялось контрнаступление союзников в рамках Второй битвы на Марне.
- ⁴ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. М.: Эксмо, 2014. С. 368.
- ⁵ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: В 2 т. / Пер. с нем. под ред. А. Свечина. М.: Госиздат, 1923–1924. Т. 2. С. 222.
- ⁶ *Bauer M.* Der große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen: Osiander, 1921. S. 187–191.
- ⁷ *Einem K., von.* Erinnerungen eines Soldaten: 1853–1933. Leipzig: Koehler. 1934. S. 188.
- ⁸ *Гинденбург П., фон.* Воспоминания. М.: Принципиум, 2013. С. 275, 280.
- ⁹ *Groener W.* Lebenserinnerungen: Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1957. S. 434.
- ¹⁰ Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 182–183.
- ¹¹ Мировые войны XX века: Ист. очерк: В 4 т. Т. 1: Первая мировая война / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука, 2002.
- ¹² Гинденбург, например, считал, что второе наступление закончилось первого мая.
- ¹³ *Bauer M.* Op. cit. S. 150–160.
- ¹⁴ *Groener W.* Op. cit. S. 421; *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 261; *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 119.
- ¹⁵ *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 261.
- ¹⁶ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 114.

- 17 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 251.
- 18 *Salewski M.* Der Erste Weltkrieg. Paderborn [u.a.]: Schöningh, 2003. S. 287.
- 19 Сокращение от Oberste Heeresleitung.
- 20 Мировые войны XX века... С. 578.
- 21 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 260.
- 22 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 116, 120.
- 23 *Bauer M.* Op. cit. S. 175.
- 24 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 260.
- 25 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 119.
- 26 Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 180.
- 27 *Groener W.* Op. cit. S. 423.
- 28 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 158.
- 29 Мировые войны XX века... С. 581.
- 30 *Bauer M.* Op. cit. S. 175–176.
- 31 *Groener W.* Op. cit. S. 429.
- 32 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 172; *Bauer M.* Op. cit. S. 189.
- 33 *Einet K., von.* Op. cit. S. 188.
- 34 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 225; *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 285.
- 35 *Bauer M.* Op. cit. S. 195.
- 36 *Einet K., von.* Op. cit. S. 189.
- 37 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 283.
- 38 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 180–181; *Bauer M.* Op. cit. S. 188–189.
- 39 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 283.
- 40 Фош Фердинанд (1851–1929) – французский военный деятель, Главнокомандующий союзными войсками с марта 1918 г.
- 41 Мировые войны XX века... С. 583.